

который исполнял должность наместника Божья, как это явствует из текста. И на этом основании они доказывают, что если оный наместник Божий имел право давать и отнимать светскую власть и вручать ее другому, то и теперь наместник Божий, глава Вселенской церкви, имеет право давать и отнимать, а также вручать другим скипетр светской власти. Отсюда, без сомнения, следовало бы, что от наместника Божья зависела бы и правомочность империи, что они действительно и утверждают. На это следует сказать, отвергая то, что они говорят, когда называют Самуила наместником Божиим, что он делал это не в качестве наместника, но в качестве особо для того назначенного посланника или вестника, приносящего явно выраженное повеление Господа. Это очевидно, ибо он единственно делал и возвещал то, что сказал Бог. А потому надлежит знать, что одно быть наместником, другое – быть вестником или слугою; подобно тому как одно быть учителем, а другое – толкователем. Ведь наместник – тот, кому вверена юрисдикция вместе с законом и свободой поступать по своему усмотрению; а потому в пределах доверенной ему юрисдикции он может на основании закона или по своему усмотрению делать то, что остается совершенно неизвестным повелителю. Вестник же так поступать не может, поскольку он вестник; но так же, как молот действует исключительно силою кузнеца, так вестник – волею того, кто его послал. Стало быть, нельзя заключать, что если Бог через Своего вестника Самуила совершил нечто, то и наместник Божий может совершить то же самое. Ведь Бог через ангелов совершал, совершает и будет совершать многое, что наместник Божий, преемник Петра, совершить бы не мог. Таким образом, их аргумент основан на заключении от целого к части, и строится он примерно так: человек может слышать и видеть; следовательно, глаз может слышать и видеть; а такой вывод силы не имеет. Он имел бы силу, если бы делался в деструктивной форме так: человек не может летать; следовательно, и руки человеческие не могут летать. Или по аналогии так: Бог посредством вестника не может сделать бывшее не бывшим, согласно изречению Агафона; следовательно, и его наместник сделать это не может.

VII.

Черпают они аргумент и из буквы текста Матфея, ссылаясь на дары волхвов и утверждая, что Христу были принесены вместе и ладан, и золото, дабы показать, что Он Господь и Владыка духовного и светского. Отсюда они заключают, что наместник Христа – господь и владыка над тем же, а стало быть, имеет право распоряжаться и тем и другим. Отвечая на это, я признаю истинность буквального смысла Матфеева текста, однако то, что они пытаются из него вывести, погрешает в терминах. Ведь они строят силлогизм так: Бог есть Владыка духовного и светского; верховный первосвященник есть наместник Бога; следовательно, он есть владыка духовного и светского. Обе посылки истинны, но средний термин не один и тот же и аргументация ведется посредством четырех терминов, в результате чего форма силлогизма не соблюдается, что явствует из книг, трактующих о силлогизме как таковом. Ведь одно есть Бог, подлежащее в большей посылке, и другое – наместник Бога, предикат в меньшей посылке. А если кто будет настаивать на равносильности понятий Бога и наместника, он будет настаивать напрасно, ибо никакое наместничество, ни Божественное, ни человеческое, не может быть равносильно верховной власти, что уясняется без труда. Ведь мы знаем, что преемник Петра не равносильен Божественной власти, хотя бы, например, в природных действиях; он не может по должности, ему вверенной, заставить землю подниматься вверх, а огонь опускаться вниз. И не все может быть доверено ему от Бога; ведь способность творить из ничего и крестить Бог отнюдь не мог бы ему передать, как доказывается это с очевидностью, хотя Магистр и утверждал противоположное в четвертой книге. Мы знаем также, что наместник человека не равномогущен ему в той мере, в какой он является его наместником, ибо никто не может дать то, что ему не принадлежит. Верховная власть не принадлежит принцепсу, а находится в его пользовании, ибо никакой принцепс не может авторизовать свою собственную власть; он может лишь получить ее или потерять, но не может создать другого принцепса, потому что создание принцепса от принцепса не зависит. Если это так, ясно, что ни один принцепс не способен поставить на свое место наместника во всем ему равномогущего; а поэтому возражение не имеет никакой силы.